

КОНЦЕПЦИЯ СМЕХА В ФИЛОСОФИИ ПРАГМАТИЗМА

В статье рассматривается философское понимание феномена смеха как истинно человеческой характеристики в свете постулатов философии прагматизма.

Ключевые слова: смех, юмор, семантика вербальных единиц, культура социальных отношений.

У статті розглянуто філософське розуміння феномена сміху як суто людської характеристики у світлі постулатів філософії прагматизму.

Ключові слова: сміх; гумор; семантика вербальних одиниць; культура соціальних відносин.

The article considers the philosophic understanding of the phenomenon of laughter, as a purely human characteristic, in light of postulates of pragmatist philosophy.

Keywords: laughter, humor, semantics of verbal units, culture of social relations.

Изначальный парадокс, выраженный в заглавии, объясняется кажущейся несовместимостью фундаментальных философских проблем и мгновенным, преходящим, эмоциональным всплеском смеха. В философии все категории определяются в процессе рефлексии, основанной на аргументированных и системных рассуждениях. Им не свойственна спонтанность, неожиданность и мимолетная контекстуальность. Философский дискурс традиционно развивается в русле вечных вопросов, не имеющих отношения к внезапному взрыву смеха, звук которого не означает практически ничего. Смех в своей неструктурированной свободе кажется чуждым среди продуманных и обоснованных суждений философских раздумий. Хотя эстетические / этические философские комментарии относительно применения / злоупотребления смеха / иронии не редкость как в литературе, так и в реальности человеческой жизни, смех остается маловероятной категорией для глубокого философского анализа. Поэтому трудно представить философию смеха, несмотря на попытку А. Бергсона [4] классифицировать комизм по категориям.

Этот парадокс становится менее неожиданным, если его рассматривать в контексте взаимоотношений философии и лингвистики.

Мысль о неразрывной связи философии и лингвистики, имплицитно выраженная в философии У. Джеймса, Ч. С. Пирса, Дж. Дьюи, О. В. Холмса, Ф. К. С. Шиллера, Дж. Сантаяны, была предметом пристального внимания в работах С. Л. Огдена и И. Ф. Ричардса. Начиная с 20-х годов прошлого столетия она стала одной из особенно важных методологических концепций прагматизма, в рамках которых смех / юмор поставлены в центр главных философских проблем. Впоследствии философское осмысление соотношения философии и лингвистики развивалось в русле так называемого «лингвистического поворота». Смысл этого интеллектуального явления выражается в постулате, что все вещи, явления, события и факты в человеческом мире непременно должны иметь названия и значения, а ясность и доступность мысли

коррелирует с прозрачностью ее вербального выражения [8, с. 25]. Это утверждение основывается на постулате, что объективация мысли происходит в процессе общественной практики узуса, применения языка, правила которого регулируются согласием среди лингвистического сообщества относительно стандартов правильных языковых норм и критериями определения истинности суждений [1]. Таким образом, вербальные символы входят в некие формулы языкового употребления. За ними закрепляются «словарные значения», которые впоследствии применяются для выражения похожих ситуаций. Однако поскольку не существует взаимоднозначного соответствия похожих ситуаций реальности, в каждом новом употреблении вербальный символ получает новые смыслы или же дополняется новым символом, более адекватно выражающим смысл данного конкретного момента реальности. При этом чем более востребована сема вербального символа, тем пластичнее семантический треугольник, в который она входит. В нем происходят семантические переносы, расширяющие ареал семантического поля, в котором новые оттенки значимости данной реальной ситуации получают более четкое выражение. Соответственно, чем значительнее расширяется семантическое поле его употребления, тем больше новых смыслов и новых вербальных единиц появляется в общественном языковом узусе. Когнитивные и коннотативные преобразования в семантической структуре слова «смех» – «laughter» – в этом отношении весьма показательны. В тезаурусе Родаля [9] его сема реализуется в 29 вербальных символах. Сопряженная с ней сема «юмор» – «humor» – выражена в 183 единицах. Если к ним присоединить когнитивно родственные семы «fun», «joviality», «gaiety», «hilarity», «mirth» и их синонимы, количество вербальных символов возрастет до очень больших значений. И это только именные языковые единицы, формально зарегистрированные в официально изданных толковых и специализированных словарях. А если прибавить к ним еще глаголы и иные вербальные символы, применяемые для выражения этой семы в неформальном узусе, количество таких слов вообще не поддается исчислению, поскольку они возникают / исчезают с каждым новым поворотом истории.

В этом смысле феномен смеха как собственно человеческий признак может быть полезен для понимания человеческой жизни и с этой точки зрения приобретает важный философский смысл. Эта проблема занимает достойное место в античной философии, где она рассматривается с позиции ее генезиса как инструмент коммуникации, применение которого часто приводит к нежелательным последствиям. Платон [5, с. 115], а за ним и Аристотель [2], считал смех пороком и клеймил позором тех, кто смеялся громко, раскатисто и бесконтрольно. Впоследствии отношение к смеху менялось. В философии Сенеки [10, с. 66] смех и юмор оцениваются иначе. По его мнению, чувство юмора и смех открывают человеку возможность проявить свои интеллектуальные способности в неожиданном, но понятном в соответствующем данной ситуации смысле. Он полагал, что беседа должна быть остроумной и стилистически разнообразной, иначе поведение человека заслуживает осуждения и презрения. Фома Аквинский разглядел в смехе / юморе положительный социальный смысл. Он классифицировал смех / юмор как игру, ценность которой состоит в ее

ментальных, интеллектуальных признаках. Вслед за Аристотелем [2, с. 8] он считал, что в жизни отдых сопутствует активности и в обоих этих видах деятельности присутствуют досуг и развлечение [12, q. 168]. Отсутствие в речи юмора и смеха свидетельствует о неразвитости ума, а это, по его мнению, приравнивается к пороку. Но вместе с тем, Аквинат призывал к соблюдению «золотой середины». Смех / юмор, считал он, хороши «в нужное время и в нужном месте». Он называл это качество «*entrapelia*», т. е. «спонтанное остроумие», умение и способность смеяться над / вместе с людьми [12, q. 2] в контексте переживаемой ситуации.

В различных теориях феномена смеха основой рассуждений служат его физические и психологические аспекты. Кант, например, считал, что удовольствие и смех относятся к области только физических, но не интеллектуальных ощущений. Врачи и психологи согласны с тем, что смех оказывает положительное влияние на физическое состояние человека. В 60-х гг. прошлого столетия возникла даже особая отрасль медицины – гелеология. Этот термин происходит от греческого корня «*gelos*», что означает «смех». Врачи-гелеологи специализируются на лечении различных физических и ментальных заболеваний с помощью смеха [7]. Методология гелеологии основывается на утверждении, что смех стимулирует кровообращение, усиливает иммунную систему и поднимает тонус. Это позволяет человеку освободиться от стресса навязанных истин, общепринятых мнений и стереотипов. Человек, который смеется, как правило, меньше болеет, потому что смех – это анестезия сердца [4, с. 112].

В работах прагматистов-классиков смех также признается физиологически и физически полезным. В. Джеймс подчеркивал, что смех способствует активизации ментальной активности и возбуждает живость ума. Но, с другой стороны, эти качества не исчерпывают всех позитивных аспектов смеха. Комическое, и в частности смех, по мнению Дж. Дьюи, представляет собой не просто интеллектуальное развлечение (*not a mere pleasure of the intellect*) [6, с. 231]. Это человеческая и социальная активность, имеющая социальное значение. Смех служит медиатором в укреплении человеческих отношений, выполняя функцию, в определенной мере подобную ледоколу. Он разбивает лед во всех смыслах этого выражения (ср. англ. *break ice* – «сделать первый шаг, возобновить»), поскольку требует интерактивного осуществления. При этом выбор языковых выражений может значительно скорректировать общий климат интеракции.

Вместо устойчивого негативного представления о смехе, которое сохраняется еще со времен Платона, прагматизм предлагает другую оценку этого феномена. В философии прагматизма смех определяется как коммуникативный инструмент [6, с. 185], применение которого имеет демократическое измерение. Оказывая цивилизующее, воспитательное влияние, он способствует созданию гармоничного социального пространства. Смех создает осознание общности, в котором люди взаимодействуют и обнаруживают ранее скрытое сходство / подобие своих интересов. Это потенциально очень мощный инструмент, поскольку он способен сфокусировать внимание на конкретном человеке, событии или вещи. Как и любой инструмент, он может принести разрушение или, наоборот, построить / возобновить

эффективные, красивые отношения в зависимости от того, кто и в каких целях его применяет. Будучи зависимым от контекста, смех пронизывает все стороны человеческой жизни. Он проникает сквозь все естественные, социальные и культурные преграды. Однако его природа неопределенна. Ее особенность состоит в том, что смех коррелирует с непривычным, неожиданным восприятием знакомых вещей, выраженных языком, полным образов, отличных от привычных языковых стандартов. Благодаря этому похожие / противоречивые идеи предстают в ином свете, обретая совершенно другое значение. Это создает новую культуру отношений. В ней люди «open their mind» [8, с. 118], они учатся видеть вещи во всей их многогранности. Они смеются именно потому, что поняли это. Когда люди смеются, они чувствуют себя счастливыми, в их непосредственной реальности возникает ощущение освобождения. Они осознают, переживают, думают или создают нечто, что нарушает понимание того, какими были / могут / должны быть вещи / идеи / мнения / отношения. Их личные практические суждения, которые могли бы вылиться в негативные эмоции, отходят на второй план, и они наслаждаются необычностью того, что происходит сейчас у них на глазах в происходящей в данный момент ситуации. Даже в случае возникновения разногласий, когда, кажется, нет выхода из тупика, смех открывает новые горизонты. Он переключает внимание, из-за чего происходит психологический сдвиг [6, с. 56] в восприятии непосредственно переживаемой ситуации. Неожиданный взрыв смеха позволяет подняться выше неразрешимости конфликта и увидеть ситуацию в другом свете, потому что смех – это альтернатива насилию и вражде. Смех способствует созданию более равноправных отношений, потому что разрушает иерархию авторитетов, позиций и мнений. В любой неблагоприятной ситуации смех может вернуть атмосферу мира и привести к желаемому разрешению несогласия [8, с. 124]. Благодаря смеху часто возникают доверие и понимание, в которых человек проявляет себя в истинно человеческом образе. В такой ситуации человек видит себя так, как его воспринимают Другие.

Люди редко смеются наедине с собой, потому что трудно смеяться в одиночестве. В самом акте смеха осуществляется трехстороннее соотношение между шутником / остряком, его аудиторией и содержанием его шутки / остроты. Как известно, в каждой шутке есть доля правды. И шутка часто используется для того, чтобы с улыбкой, безобидно сказать правду. Правда, шутка не имеет внешнего, вечного измерения. Она всегда зависима от контекста и основывается на знакомых собеседникам представлениях и убеждениях. Она вызывает реакцию аудитории только тогда, когда новое сравнение / аллюзия в какой-то мере соотносится с ее представлениями. Предложенная шутка / острота / меткое наблюдение или словечко либо вызывают смех, либо остаются без внимания и оценки, потому что смех имеет оценивающее значение. Он указывает на социальную связь между шутником и его аудиторией. Он также свидетельствует о том, что своим смехом / молчанием / протестом аудитория выражает солидарность / удивление / согласие с шутником по поводу содержания его высказывания. Когда люди смеются вместе, разделяя друг с другом удовольствие от

шутки, между ними возникают контакт и дружелюбие. Смех чаще всего соответствует веселью, он почти всегда вызывает ответное радостное чувство, веселое настроение. Способность находить веселое / комическое в разных жизненных ситуациях и умение адекватно выразить свое впечатление в соответствующей вербальной форме составляет, пожалуй, главную радость человеческой жизни.

Философия прагматизма преодолела вековое предубеждение против смеха, в котором со времен Платона его считали пороком или, во всяком случае, невежливостью. Постулируя определенное сходство между философией *per se* и смехом как специфически человеческой чертой, прагматисты-классики отмечают присутствие в них иронии, аллюзии сарказма, остроумия, каламбуров и просто смешных выражений и комментариев. Исследования прагматистов концентрируются не столько на физических свойствах смеха, сколько на формах / способах / контекстах связи между актом смеха и вербальным выражением, вызвавшим его [3, с. 126]. Главное внимание при этом уделяется последствиям, которые смех / юмор порождает. Согласно Л. Виттгенштейну, язык провоцирует возникновение образов в мозгу. Слова выполняют функциональную роль, позволяя другому мысленно увидеть образ, соответствующий представленному в мозгу говорящего [5, с. 119; 8, с. 115]. Культурный императив и философский смысл смеха заключается во внезапной креативной трансформации прежних представлений. Благодаря этому возникает ощущение освобождения от привычных традиций и принципов жизненного опыта. Смех дает возможность осознать, что «реки, которые мы пересекаем, никогда не бывают одинаковыми», что с каждым днем появляются новые интересы и новые потребности в новых человеческих истинах. В краткие моменты своей жизни, когда все его существо воплощается в смех, человек ощущает себя здравомыслящим, свободным, состоявшимся и открытым к новым впечатлениям, идеям и поступкам.

По своей природе смех имеет интеллектуально-творческий характер. В нем изначально присутствует элемент новизны, удивления, открытия. Смех, как и философия, открывает новые реальности и противостоит рутине, абсолютизму и непониманию. Созидательные свойства смеха подпитывают способность подняться над старыми стереотипами. В смехе объединяются свобода и необходимость. Они предоставляют человеку выбор и шанс развить такие моральные добродетели, как терпение и скромность, способствуя этим расширению кругозора. Смех их не гарантирует, но эти качества являются недостающими составляющими, необходимыми для того, чтобы воспользоваться любым предложением и исправить / улучшить / изменить существующее состояние вещей или человеческие отношения. Как интерактивный инструмент, смех всегда открывает новые образы и представления. У. Джеймс [8, с. 112] находил глубинное сходство между философией и смехом, сравнивая удовольствие от восприятия комического с удовольствием от занятий философией. Как в комическом, так и в философских рефлексиях человек находит новые ракурсы понимания и радуется, когда у него возникают неожиданные мысли. Философия, как и смех / юмор, он считал, видит в знакомом нечто необычное и, наоборот, неизвестное воспринимает как всем известный факт. Философию и смех объединяет еще одно общее свойство – обоим этим видам интеллектуальной

деятельности характерна критичность, за что и философы, и юмористы, начиная с Сократа и до наших дней [11, с. 48], добиваются не только всеобщего признания, но и подвергаются гонениям и даже казням.

Важнейшей функцией смеха, считал Джеймс [8, с. 58], является то, что смех помогает осознать разницу между добром и злом, между выигрышем и потерей. Он дает человеку возможность увидеть ее в ее реальной перспективе. С одной стороны, он освобождает от тщеславия, а с другой – от пессимизма тем, что поднимает человека выше того, что он делает, и предостерегает от того, что может с ним случиться. Осуществление этой возможности становится реальным благодаря когнитивному богатству и семантической гибкости естественного языка, которыми человек пользуется широко и продуктивно.

Литература:

1. *Жарких В. Ю.* Ф. К. С. Шиллер про невизначеність вербального значення // Мультиверсум, 2007. Вип. 66. С. 110–124.
2. *Aristotle.* Nicomachean Ethics. Hackett Publishing Co., 1999. 392 p.
3. *Ayer A. J.* Language, Truth and Logic. Dover Books, 1952. 160 p.
4. *Bergson H.* An Essay on the Meaning of the Comic. N.-Y., McMillan, 1911. 237 p.
5. *Cathcart T. and D. Klein.* Plato and Platipus Walked into a Bar: Understanding Philosophy through Jokes. N.-Y., Penguin, 2008. 215 p.
6. *Dewey J.* The Theory of Emotions // Psychological Review, 1, 1894. P. 553–569.
7. *Fry W. J.* Gelotology – the Study of Laughter. Stanford UP, 1908. 315 p.
8. *James W.* Some Problems of Philosophy. Cambridge Mass: Harvard UP. 238 p.
9. *Rodale J. I.* The Word Finder. Emmaus, Penn., 1965. 1315 p.
10. *Schiller S. C. S.* Our Human Truths. Columbia UP., 1939. 381 p.
11. *Seneca L. A.* Letters on Ethics, Chicago UP, 2015. 528 p.
12. *Thomas Aquinas.* Summa Theologie [2a, 2ac, 168] Lnd., 1972, Blackfriars. 385 p.

Volodymyr Zharkih

CONCEPT OF LAUGHTER IN THE PHILOSOPHY OF PRAGMATISM

The paradox in the title can be explained by the seeming incompatibility of laughter and philosophy, since there appears to be little in common between fundamental problems of philosophy and a fleeting, emotional and situational outburst of laughter.

This paradox becomes less unexpected if viewed through the context of interrelation between philosophy and linguistics as was suggested by early pragmatists. Their postulates were developed in the theory of the so called «linguistic turn», within which this interrelation became the most important methodological concept. It postulated that thought is objectivized in the process of social usage of language. Its rules are regulated by the consensus of the language community as to what is right / wrong concerning language rules / norms and validity of truth criteria of judgments and statements.

No less significant is the cognitive value of the seme and the frequency of its usage. The more the seme is needed, the more plastic it becomes within the semantic triangle where it functions. Since there is no absolute coincidence in similar life situations, verbal symbols expressing ideas, things, phenomena, often tend to be used in a transferred sense to better express the unique character of a given reality.

Cognitive change and mobility in the semantic structure of the word laughter is a good example of this tendency. In Rodale thesaurus its seme is realized in 29 verbal symbols. The seme of humor, correlated with it, is expressed in 183 verbal units. If to add to them cognitively kindred semes – fun, joviality, gaiety, hilarity, mirth – together with their synonyms and derivatives – the number of verbal units will grow immensely. This wide choice of ways to express a notion shows its cognitive importance. Laughter as a purely human feature is indispensable for understanding human life and thus acquires a deep philosophical significance.

Classical pragmatists, W. James, J. Dewey, F. C. S. Schiller, to name only a few, considered laughter as a handy and useful tool by means of which man can determine the difference between good and bad. He can do it by referring to the wealth of his native language and by using it to understand and make himself understood.

Жарких Володимир Юрійович – доктор філософських наук, професор, завідувач кафедри філософії та методології науки гуманітарного факультету Одеського національного політехнічного університету.

Надійшла до редакції 04.05.2018. Розглянута на редколегії 25.06.2018.

Рецензенти:

Доктор філософських наук, професор ХАІ, професор кафедри філософії Національного аерокосмічного університету ім. М.Є. Жуковського «ХАІ» Кузнецов А.Ю.

Доктор філософських наук, професор, декан гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М.Є. Жуковського «ХАІ» Копилов В.О.